

Воображение и фантазия в консервативном дискурсе: особенности перевода

Н.С. Глазков

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

Терминологическое различие воображения и фантазии в русских переводах зачастую не передается. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что переводчикам британской философской классики на русский язык нужно иметь в виду, что различие между понятиями «fancy» и «imagination» начинает оформляться как концептуальное уже в первой половине XVIII в., поэтому правильность его передачи влияет на научную ценность перевода. Очень скоро понятие воображения, как и различие воображения и фантазии, начинает использоваться для осмысления политической реальности. В настоящее время в понятии «политического воображения» исследователи видят ресурс для объяснения как континуальности, так и разрывов в политическом процессе, как левой утопии, так и консервативной ностальгии. Чувствительность к различению воображения и фантазии и, соответственно, передача этих различий в переводах может способствовать актуализации исследований идеологий в таких областях, как история идей и интеллектуальная история, а также исследование власти и идеологии. В настоящей статье различие рассматривается на материале текстов, написанных авторами, традиционно относимыми к консервативному лагерю. Характерно, что именно эти авторы внесли основной вклад в развитие рассматриваемого различия в англоязычном философском дискурсе. Это, в частности, Кольридж, решительно сформулировавший различие воображения и фантазии, и Берк, апеллировавший к нравственному воображению. В XX в. близкую по своему нормативному характеру типологию воображения использовали другие консервативные авторы, такие как Ирвинг Бэббит, Томас Стернз Элиот и Рассел Керк. Заслуга Керка состоит в том, что он заговорил о консервативной практике осмысления воображения и попытался представить последнюю в виде единого нарратива.

Ключевые слова: консерватизм, политическое воображение, воображение, фантазия, научный перевод.

Глазков Никита Сергеевич – аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

glazkovnikita@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-3332-7283>

Для цитирования: Глазков Н.С. Воображение и фантазия в консервативном дискурсе: особенности перевода // Философские науки. 2020. Т. 63. № 4. С. 99–114. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-99-114

Imagination and Fancy in Conservative Discourse: The Issues of Translation

N.S. Glazkov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia*

Abstract

Not uncommon for Russian translations of British philosophical classics is the problem of not conveying the notions of imagination and fancy properly. The purpose of this paper is to serve as a reminder of the fact that concepts of fancy and imagination began to grow apart as early as the first part of 18th century, and it is necessary to treat them accordingly for the translation to be correct. Very soon, the notion of imagination and the distinction between imagination and fancy began to be involved in the contemplation of political reality. Today it is the notion of political imagination that attracts researchers the most, providing a tool for explaining continuity and discontinuities in political process as well as left utopianism and conservative nostalgia. The awareness of the distinction between imagination and fancy could foster research activity in such fields as the history of ideas and intellectual history as well as studies in ideology and power. The distinction is examined on the basis of texts usually considered to be written by authors of conservative strand. It is an interesting fact, indeed, that it was conservatives who made the main contribution to the development of this distinction in English-language philosophy. Among them are Coleridge, who resolutely draw the line between fancy and imagination, and Burke with his appeal to the moral imagination. The kindred typology of imagination was proposed in 20th century by such thinkers as Irving Babbitt, T.S. Eliot and Russell Kirk. The importance of Kirk lies partly in that fact that he began the discussion of the conservative attitude to imagination and tried to frame it as a coherent narrative.

Keywords: conservatism, political imagination, imagination, fancy, translation of philosophy.

Nikita S. Glazkov – postgraduate student at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

glazkovnikita@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-3332-7283>

For citation: Glazkov N.S. (2020) Imagination and Fancy in Conservative Discourse: The Issues of Translation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 4, pp. 99–114.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-4-99-114

Введение

Все более употребительным становится многозначное понятие «политическое воображение». В самом простом смысле, весьма характерном для англоязычного узуса, понятие «политическое воображение» используется в тех случаях, когда речь идет о взаимовлиянии политики и литературных практик; при этом совершенно не подразумевается, что политическое воображение должно концептуализироваться в качестве особого аспекта когнитивного процесса. Строго говоря, буквальный перевод «воображение» в таких случаях не совсем точен, поскольку слово «*imagination*» используется здесь в фигуральном смысле, наподобие того, как «*imaginary*» используется в словосочетании «*imaginary literature*», передаваемом просто как «художественная литература». Но соблазн велик, и это неудивительно, если иметь в виду историю понятия воображения и те надежды, которые возлагали на него философы. Как пишет об этом Джеймс Энгел, автор исследования «Творческое воображение: от Просвещения до романтизма» («*Creative Imagination: Enlightenment to Romanticism*»), в котором прослеживается развитие идеи от XVII в. до первой половины XIX в.: «идея воображения была плодом Просвещения... Понимание гения, поэтической силы и оригинальности, симпатии, индивидуальности, знания и даже этики черпало силы в идее воображения» [Engell 1981, 3]. И сейчас понятие «политического воображения» служит обещанием того, что воображением может быть объяснена как континуальность, так и разрывы в политическом процессе. Эта тенденция в осмыслении данной способности определяет замысел некоторых исследований в таких областях, как история идей, интеллектуальная история, исследования романтизма и др., а в проблемном аспекте – исследований власти и идеологии. В этих случаях данные предметы рассматриваются в свете эстетики,

а от нее лишь шаг до эпистемологии. Таким образом, литературная теория, имеющая дело с политическим воображением в смысле когнитивной способности, обязательно граничит с философским исследованием, которое должно быть хорошо информированным исторически, не в последнюю очередь в истории понятий и, естественно, самого понятия воображения.

Одной из тем, поднимаемых в рамках как теории литературы, так и интеллектуальной истории, является роль воображения для консервативной идеологии, которая оказывается тем более интригующей, что многие консервативные мыслители сами уделяли этой способности большое внимание. Исследование данной тематики на русском языке способствовало бы обогащению области консервативных исследований новыми интерпретациями и актуализации этой предметной области относительно англоязычного исследовательского контекста.

Несмотря на большую работу по переводу релевантных тем философских сочинений, сделанную еще в советский период, имеющиеся переводы отвечают не всем назревшим интерпретативным целям, поскольку, по-видимому, на время их подготовки подобные цели и не ставились или не принимались в расчет. Одним из моментов, которые не всегда стабильно передавались в русских переводах, является различие воображения (*imagination*) и фантазии (*fancy*), которое имеет свою историю в текстах консервативных мыслителей и позволяет лучше понять их позицию относительно познавательных способностей человека и его возможностей менять действительность – не в последнюю очередь политическую. Ниже я хотел бы показать это на конкретных примерах, которые рассматриваются в качестве ремарки к методологии перевода. В данном тексте я не ставлю своей задачей подробное обсуждение связи между воображением и политикой, а также различия воображения, фантазии и политики, как с точки зрения его эвристического потенциала, так и в аспекте практики его использования в рамках политической риторики. Моя цель состоит в том, чтобы обозначить определенное смысловое несоответствие между фрагментами доступных на русском текстов и оригиналами, из-за которого оказываются скрытыми некоторые возможности интерпретации и анализа.

Однако для начала я напомним сюжет, показывающий, что вклад в легитимацию «политического воображения» как понятия и темы был сделан еще в 50-х гг. в США, когда два известных

автора выступили со своими концепциями либерального воображения и консервативного сознания. С тех пор дискуссии на языке литературной и культурной критики все больше вовлекали в свою орбиту тонкие особенности словоупотребления и актуализировали интерес к политическим возможностям воображения, каким его видели классики. Этим я хотел бы подчеркнуть, что при определении потенциала «политического воображения» как предмета изучения опираться следует в первую очередь на понятие воображения как такового.

С исторической точки зрения тема различения воображения и фантазии затрагивалась в исследовании Джеймса Энгела «Творческое воображение». В 13 главе он прослеживает становление этого различения, начиная с первых случаев закрепления противоположных смысловых оттенков, в частности у Дж. Локка в его «Опыте о человеческом разумении», а затем к его истории в XVIII в. и развитию темы в «Литературной биографии» С.Т. Кольриджа. Большое внимание Энгел уделяет немецким авторам, влияние которых, согласно распространенному мнению, испытал Кольридж, – например Эрнсту Платнеру. Нельзя не отметить небольшое, но информативное исследование Р.Л. Бретта, в котором раскрываются некоторые классические взгляды на воображение от Аристотеля до Кольриджа с особым акцентом на различении воображения и фантазии у последнего [Brett 2018].

Керк и Триллинг

Пожалуй, ярче и резонанснее многих других о политическом потенциале воображения высказался американский критик Лайонелл Триллинг, хотя до него о воображении в политике говорили, так или иначе, многие. Причина не в проходном характере того, о чем уже говорилось, а скорее в том, что в своей работе «Либеральное воображение» Триллинг бросил открытый вызов консерватизму, сказав, что фактически в Америке нет другой традиции, кроме либеральной, и назвал консерватизм «интеллектуальным банкротом». Он вел к тому, что в его время у либерализма уже не было таких оппонентов, каким был, например, Кольридж для Милля. Несмотря на то, что они расходились почти во всем, Милль призывал либералов читать Кольриджа, полагая, что сильный противник, наделенный богатым воображением, не даст либерализму почитать на лаврах. Триллинг имел в виду, что воображение способно пробудить у либералов

осознание «многообразия и богатства возможностей», и лучшим его проводником в отсутствие таких оппонентов, как Кольридж, является художественная литература [Trilling 2008].

Ответ не заставил себя долго ждать. Уже в 1953 г. выходит книга Рассела Керка «Консервативное сознание», где воображение рассматривается не как залог обновления, а как фактическое достояние консерватизма, присущее даже политикам, весьма далеким от сферы художественного творчества [Kirk 1960]. Воображение приобретает реальных носителей и предметность. В результате из поиска многообразия и возможностей дискурс воображения у Керка превращается в оду консерватизму, что вписывалось в практику популяризации им консервативной мысли в Соединенных Штатах, где либерализм, как писал Триллинг, был «не только господствующей, но, пожалуй, единственной интеллектуальной традицией» [Trilling 2008, 12]. Триллинг не занимался воображением как философ: его интересовало социальное значение литературы, но не воображение как средство воспитания или тем более трансценденции. Эти моменты прослеживаются у Керка в понятии нравственного воображения, которое он позаимствовал у Берка. Как говорит Керк: «благодаря нравственному воображению, мы понимаем, что мы – существа, созданные для вечности, для жизни согласно моральному закону трансцендентной силы» [Kirk 2013]. В таких пассажах тема воображения принимала у Керка уже метафизический оборот. В то же время он считал развитие нравственного воображения возможным и необходимым при помощи в первую очередь литературы. В литературе он находил примеры не только нравственного, но и других видов воображения – разрушительного, идиллического и дьявольского, в чем повторял Элиота и оказавшего влияние на последнего основоположника «нового гуманизма» Ирвинга Бэббита, прочертив определенную линию преемственности между ними и, конечно, Берком [Kirk 2007]. Заслуга Керка состоит в том, что он заговорил о консервативной практике осмысления воображения и попытался представить последнюю в виде единого нарратива, при этом делая ценные замечания относительно интеллектуальных влияний. Понимание «консервативного воображения» требует учесть их и дополнить теми, на которые Керк не указывает, в том числе связанными с различием воображения и фантазии, предшествовавшим типологии воображения, данной Бэббитом, но по смыслу связанным с ней.

Смысл понятия «fancy»

Предварительно необходимо пояснить, что особенности использования слов «*imagination*» и «*fancy*» таковы, что первое имеет более благородные коннотации, чем второе. Начнем с намеков на различие между воображением и фантазией у Берка, в его «Философском исследовании о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757), то есть еще до его знаменитой формулировки у С.Т. Кольриджа в «Литературной биографии» (1817). Вот как указывает на наличие такого различия у раннего Берка Джеймс Энгел, на исследование которого сошлемся в дальнейшем: «Другим излюбленным примером фантазии была для Кольриджа поэзия Спенсера, который, как он сказал о нем, был одарен “творческой фантазией” (*imaginative fancy*). Берк подметил в своем “Исследовании”, которое Кольридж читал, что описания Спенсера не так трогают, как подражания, направляемые воображением; описания Спенсера, в отличие от них, “созданы фантазией”» [Engell 1981, 174].

Тот фрагмент, на который ссылается Энгел, содержится в пятой части V раздела и появляется только во втором издании «Исследований», т.е. в издании 1759 г. Наблюдение Энгела представляется весьма удачным для введения в тему, поскольку сразу затрагивает факт наличия адресата, на которого косвенно воздействует авторское воображение или фантазия. Предлагаю рассмотреть замечание Энгела как полезное указание, и если все действительно обстоит именно так, как он говорит, то это значит, что мы имеем повод для сверки перевода «Исследования» с оригиналом. Конечно, очень скоро можно заметить, что Энгел звучит несколько категоричнее оригинала, – в соответствующей части текста Берк не проводит открытого противопоставления между воображением и фантазией. Сама часть озаглавлена «Примеры того, что слова могут воздействовать, не возбуждая образов», и ее содержание полностью соответствует названию. Тезис Берка состоит в том, что употребление слов в повседневном общении не подразумевает с необходимостью возникновения представлений тех вещей, которые они называют, и это не мешает им выполнять своей функции. Более того, подробные описания, непосредственно нацеленные на возникновение у человека таких представлений, могут оказываться менее эффективными с точки зрения достижения цели сообщения, что Берк показывает уже на примере поэзии. И здесь он сравнивает

поэтический язык Блэклока, слепого от рождения, и Спенсера, уделяющего большое внимание деталям, и находит поэзию первого более выразительной и воодушевляющей. Поэтому тезис Энгела нужно уточнить тем, что прямого сопоставления воображения и фантазии Берк в упомянутом фрагменте не проводит (его занимает другой вопрос). Более того, он не говорит о том, что в тех случаях, когда слова воздействуют, не возбуждая образов, это происходит потому, что процесс «направляет воображение» (что следует из утверждения Энгела); он говорит лишь о том, что в этих случаях образы в воображении не возникают [Burke 1757, 179]. И тем не менее очевидно, что «fancy», в отличие от «imagination», имеет здесь несколько уничижительный оттенок, и Энгел обращает внимание на этот случай словоупотребления как доказательство того, что различие воображения и фантазии бытовало в англоязычной литературе за определенное время до того, как Кольридж провозгласил свое открытие в «Литературной биографии» (Энгел приводит и другие примеры).

Однако – и здесь я подхожу, собственно, к основному вопросу – в переводе и «imagination» и «fancy» передаются как «воображение». Ниже я привожу оригинал из второго издания «Исследований» и перевод, опубликованный в 1979 г. в серии «История эстетики в памятниках и документах»:

Here is not one word said of the particulars of her beauty; nothing which can in the least help us to any precise idea of her person; but yet we are much more touched by this manner of mentioning her than by these long and laboured descriptions of Helen, whether handed down by tradition, *or formed by fancy* (курсив мой. – *Н. Г.*), which are to be met with in some authors. I am sure it affects me much more than the minute description which Spenser has given of Belphebe... [Burke 1759, 331].

Здесь не говорится ни одного слова об отдельных чертах ее красоты, ничего, что могло бы хоть немного помочь нам получить какую-либо точную идею ее личности; но тем не менее нас гораздо больше трогает такой способ упоминания о ней, чем те длинные и вымученные описания Елены, которые дошли до нас в преданиях *или созданы воображением* (курсив мой. – *Н. Г.*) и которые можно встретить у некоторых писателей. Безусловно, это трогает меня гораздо больше, чем подробнейшее описание Бельфебы, данное Спенсером... [Берк 1979, 191].

Мы видим, что «fancy» – фантазия – передана в текущем переводе просто как воображение, хотя очевидно, что Берк различает эти понятия. Например, еще во введении ко второму изданию он пишет о воображении: «Кроме представлений... человеческий разум обладает собственной творческой способностью... Способность эта зовется воображением; и к ней относится все то, что мы зовем умом, фантазией (fancy), изобретательностью...» [Burke 1759, 15–16]. В целом нельзя сказать, что в раннем труде – «Исследовании» – мы имеем дело с концептуальным различием, это скорее примечательная особенность словоупотребления. Концептуальным различием в британском философско-литературном дискурсе ее попробует сделать Кольридж, который отмечал уже прямо и императивно: «Поэт должен изображать так, чтобы возбуждать воображение, а не фантазию» [Кольридж 1987, 166].

Если мы обратимся к «Размышлениям о революции во Франции», мы обнаружим другие примеры интересующего нас словоупотребления. Например, когда Берк пишет: «Society is indeed a contract. ...but the state ought not considered as nothing better than a partnership agreement in a trade... and to be dissolved *by the fancy* (курсив мой. – Н. Г.) of the parties», мы видим, что хотя «*by the fancy*» и не указывает на познавательную способность, несет в себе оттенок «оторванности от действительности». Это улавливает Сима Векслер в своем переводе: «Общество поистине есть договор. ...но государство не должно считаться чем-то вроде партнерского соглашения... к нему нельзя относиться как к интересам временным и незначительным, расторгая договор, *когда вздумается* (курсив мой. – Н. Г.) какой-либо из сторон» [Берк 1992, 175]. Оттенок произвольности передается Векслер словосочетанием «когда вздумается». Точно так же берковское «*yoke of luxury and the despotism of fancy*» Векслер переводит как «ярмо роскоши и деспотической прихоти», тем самым снова передавая негативную коннотацию понятия «fancy» [Берк 1992, 250].

Словоупотребление Берка, таким образом, иллюстрирует тенденцию, которая, как считает Энгел, начала набирать силу в XVII в.: «Именно потому, что *phantasia* подразумевала большую свободу мысли в том, что касалось понимания, ощущения или заблуждения, слово “fancy” испытало на себе всю тяжесть подозрения и недоверия, брошенного на него рационализмом XVII в.,

и помимо прочего модным разговорным стилем, вторившим ему» [Engell 1981, 173].

Соответственно, «fancy» и «imagination» нужно передавать в переводе, имея в виду историческое размежевание этих понятий, постепенно приобретавшее *концептуальный* смысл.

Это означает, что воображение, увлечено ли оно левой утопией или правой ностальгией, оказывается не таким одномерным явлением, как можно полагать, если иметь дело с недостаточно точным переводом.

Если говорить непосредственно о консервативной ностальгии, сложность понятия воображения и его отношений с фантазией очень важна для консервативного дискурса, учитывая как его связь с развитием эстетики (многие из авторов, которые традиционно считаются консервативными, рассуждали об искусстве в теоретическом или критическом ключе), так и необходимость понимания той альтернативы, которую консерваторы способны предложить левой утопии, которую они не устают критиковать, будь то в форме пролетарской революции или революции в мышлении, которые так резко критикует Роджер Скрутон в своей книге о новых левых мыслителях [Scruton 2015].

Акценты понятия воображения, отсылающие к свободной и опасной игре ума, применительно к критике утопии мы можем встретить уже у Дэвида Юма, которого некоторые авторы (см., например: [Wolin 1954; Quinton 1978]) включают в ряды ранних консервативных мыслителей. В частности, в эссе «Идея совершенного государства» Юм высказывается следующим образом: «All plans of government, which suppose great reformation in the manners of mankind, are *plainly imaginary* (*курсив мой. – Н. Г.*). Of this nature, are the *Republic* of Plato, and the *Utopia* of Sir Thomas More. The Oceana is the only valuable model of a commonwealth that has yet been offered to the public» [Hume 1826, 563].

В переводе («Мысль», 1996) эта фраза выглядит следующим образом: «Все планы государств, которые предполагают осуществление огромных преобразований в нравах людей, *основаны только на воображении* (*курсив мой. – Н. Г.*). Такой характер носит “Государство” Платона и “Утопия” сэра Томаса Мора. “Океания” представляет собой единственный ценный образец государства, который был до сих пор предложен вниманию общества» [Юм 1996а, 676]. Смысл высказывания понятен: «*основанное только на воображении*» фактически синонимично такому клише

как «оторванное от действительности». Однако если иметь в виду ту роль, которую Юм в своей философии отводит понятию воображения, то нужно признать, что перевод не совсем удачен. Приведем хотя бы слова Юма из заключения к книге о познании его «Трактата», где он рассуждает о возможности «отбросить все пустячные вымыслы фантазии (fancy) и придерживаться рассудка (understanding), т.е. общих и наиболее установленных свойств *воображения* (курсив мой. – Н. Г.)» [Юм 1996б, 312]. Возвращаясь к оригиналу, мы видим, что Юм употребляет слово «imaginary» [Hume 1826, 563], наиболее часто встречаемое и устойчивое значение которого, согласно «Oxford English Dictionary» таково: «Existing only in imagination or fancy; having no real existence; not real or actual», т.е. планы государств, о которых говорит Юм, оказываются просто *надуманы* или *безосновательны*.

Таким образом и Берк, и Юм, там, где им это требуется, находят как маркировать опасные или, как их называет Терри Иглтон, «необузданные» виды воображения и показать их отличие от «более надежных» [Eagleton 1990, 47]. Задача состоит в том, чтобы учитывать это при переводе и при чтении тех, которыми мы располагаем.

«Надежное» воображение

Пока мы уделяли больше внимания уязвимой или – в зависимости от контекста – темной стороне воображения (для простоты мы используем это слово здесь как зонтичное понятие; тогда как Кольридж, например, склонялся к тому, чтобы считать фантазию и воображение самостоятельными способностями). Однако у консервативного воображения есть и светлая сторона, которой также не всегда отдавалось должное в переводе. В этой ипостаси оно утрачивает флер эпистемологической нейтральности, который имело в «Исследованиях» Берка или «Трактате» Юма (возможно и обманчивый) и приобретает явные этические коннотации.

Поскольку некоторые примеры употребления слова «fancy» в «Размышлениях» мы отметили, самое время обратиться к употреблению слова «imagination» в этом важнейшем консервативном труде. И здесь мы обнаруживаем, что в наиболее доступных переводах «Размышлений» мы не встречаем этого слова в одном очень важном фрагменте, который, например, Рассел Керк, отмечает особо [Kirk 2013]. Речь идет о том месте, где Берк говорит о «нравственном воображении». Несмотря на то, что это понятие

встречается в тексте «Размышлений» всего один раз, его отсутствие отдаляет русские переводы от англоязычного контекста осмысления Берка и его политической эстетики [Furniss 1993; Whale 2000].

Переводов «Размышлений» на русский язык автору известно несколько; все они были опубликованы в начале 90-х гг. Это переводы С. Векслер (1992), Е.И. Гельфанда (1993) и перевод Э.Э. Мальцевой, публиковавшийся с 1991 по 1993 гг. в журнале «Социологические исследования». Переводы Гельфанда и Мальцевой сделаны с существенными сокращениями. Наиболее полный и, с нашей точки зрения, корректный перевод был сделан Симой Векслер, но с момента издания стал уже библиографической редкостью. Фраза, о которой идет речь, возникает в том месте, где Берк сетует о том, что «век рыцарства миновал» (формально, один из признаков романтизма Берка)¹ [Берк 1992, 151].

But now all is to be changed. All the pleasing illusions which made power gentle and obedience liberal, which harmonized the different shades of life... are to be dissolved by this new conquering empire of light and reason. All the decent drapery of life is to be rudely torn off. All the super-added ideas, furnished from *the wardrobe of a moral imagination* (курсив мой. – *Н. Г.*), which the heart owns and the understanding ratifies... are to be exploded as a ridiculous, absurd, and antiquated fashion [Burke 1790, 114].

При необходимости процитировать русский перевод найти понятие «воображение» в соответствующем фрагменте скорее всего не удастся. Поясню. Дело в том, что из трех перечисленных переводов это слово получится найти только у Векслер, во всех остальных случаях словосочетание «*moral imagination*» заменено чем-то другим.

Например, в переводе Е.И. Гельфанда, выше процитированный фрагмент передан так:

Но сейчас все изменилось. Все привлекательные иллюзии, которые делали власть великодушной, повиновение добровольным, придавали гармонию разнообразным жизненным оттенкам... все они исчезли от непреодолимого света разума. Все покровы, украшающие жизнь,

¹ Стоит согласиться с У. Берном, который отмечает: «Романтизм Берка редко обсуждается политическими теоретиками, а многие рядовые консерваторы, положительно оценивающие политические взгляды Берка, возможно никогда и не думали о нем, как о представителе романтического направления» [Вугне 2006, 15].

были жестоко сорваны; навсегда были отброшены все возвышенные идеи, заимствованные из *запасов нравственности* (курсив мой. – Н. Г.), которые владели сердцами... были объявлены смешными, абсурдными и старомодными [Берк 1993, 80].

Иначе решает вопрос перевода «moral imagination» Э.Э. Мальцева. Дополнительно отмечу, что в оригинале Берка не сказано о «свободном государстве», фразу Берка Гельфанд передает точнее:

Но теперь... все должно измениться. Все милые иллюзии, которые облагораживали власть, делали государство *свободным* (курсив мой. – Н. Г.), согласовывали различные стороны жизни... все эти иллюзии должны быть разрушены новой всепобеждающей империей света и разума. Занавес приличия был грубо сорван. Все возвышенные идеи, представленные в *нравственном сознании* (курсив мой. – Н. Г.), живущие в сердце и необходимые разуму... – все это должно быть отвергнуто как нечто нелепое, абсурдное и старомодное [Берк 1991, 115].

Строго говоря, принятые в обоих случаях варианты: «нравственное сознание» и «запасы нравственности» не являются эквивалентами английского «moral imagination». Понятие «*нравственное сознание*» является более общим, а «*запасы нравственности*» не отражают активного аспекта, который заключается в понятии воображения. Перевод Векслер представляется более точным:

Но теперь все должно перемениться. Все сладкие иллюзии, придававшие власти благородство, а повиновению – привкус вольности... должны теперь раствориться в победоносной империи просвещения и разума. Завесу пристойности надлежит грубо отдернуть. Всем высшим идеям, заимствованным из *гардероба нравственного воображения* (курсив мой. – Н. Г.), идеям, кои вынашивает сердце, а разум оправдывает... всем им теперь предстоит быть отринутыми, как смешным, нелепым и вышедшим из моды [Берк 1992, 152].

Дословный перевод Векслер – «гардероб нравственного воображения» – обладает тем достоинством, что содержит ключевое слово «воображение». Берк не склонен говорить о фантазии и воображении как разных способностях. Как и в «Исследованиях», здесь само воображение неоднородно, и тем важнее сохранять нюансы отношения Берка к этой способности. Например, Берк

упоминает о «беспредельных» и «разнообразных» тяготах, которые «множатся в бесчисленных сочетаниях мысли, блуждающей по *диким безграничным* (курсив мой. – Н. Г.) просторам воображения» [Берк 1992, 181–182].

Заключение

Таким образом, попытки типологии воображения в аспекте его социально-политических импликаций, которые мы наблюдаем в XX в., перекликаются с более ранним различием и смысловыми нюансировками, которые, однако, не кричали о себе, лишь постепенно приобретая концептуальный смысл. Тем важнее их замечать переводчику.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Берк Э. 1979 – *Берк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. – М.: Искусство, 1979.

Берк Э. 1991 – *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / пер. с англ. Э.Э. Мальцевой // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 114–121.

Берк Э. 1992 – *Берк Э.* Размышления о революции во Франции / пер. с англ. С. Векслер. – London: Overseas Public Interchange, 1992.

Берк Э. 1993 – *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / пер. с англ. Е.И. Гельфанд. – М.: Рудомино, 1993.

Кольридж 1987 – *Кольридж С.Т.* Избранные труды. – М.: Искусство, 1987.

Юм 1996а – *Юм Д.* Идея совершенного государства // *Юм Д.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. С. 675–688.

Юм 1996б – *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1996. С. 53–656.

Brett 2018 – *Brett R.L.* Fancy & Imagination. – London and New York: Routledge, 2018.

Burke 1757 – *Burke E.* A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. – London: printed for R. and J. Dodsley, 1757.

Burke 1759 – *Burke E.* A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful (2nd ed.). – London: printed for R. and J. Dodsley, 1759.

Burke 1790 – *Burke E.* Reflections on the Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London. – London: J. Dodsley, 1790.

Byrne 2006 – *Byrne W.F.* Burke's Higher Romanticism: Politics and the Sublime // *Humanitas*. 2006. Vol. 19. No. 1/2. P. 14–34.

Eagleton 1990 – *Eagleton T.* The Ideology of the Aesthetic. – Oxford: Blackwell Publishers, 1990

Engell 1981 – *Engell J.* The Creative Imagination. Enlightenment to Romanticism. – Cambridge: Harvard University Press, 1981.

Furniss 1993 – *Furniss T.* Edmund Burke's Aesthetic Ideology. Language, Gender, and Political Economy in Revolution. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Hume 1826 – *Hume D.* The Philosophical Works of David Hume. In 4 vols. Vol. 3. – Edinburgh; London: Adam Black and William Tait, Charles Tait, 1826.

Kirk 1960 – *Kirk R.* The Conservative Mind: From Burke to Eliot. – Chicago: H. Regnery Co., 1960.

Kirk 2007 – *Kirk R.* The Moral Imagination. – URL: <https://kirkcenter.org/imagination/the-moral-imagination/>

Kirk 2013 – *Kirk R.* Russell Kirk on the Moral Imagination. – URL: <https://vimeo.com/70964676>

Quinton 1978 – *Quinton A.* The Politics of Imperfection. – London and Boston: Faber and Faber, 1978.

Scruton 2015 – *Scruton R.* Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left. – London: Bloomsbury, 2015.

Trilling 2008 – *Trilling L.* The Liberal Imagination. – New York: New York Review Books, 2008.

Whale 2000 – *Whale J.* Imagination Under Pressure, 1789–1832. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Wolin 1954 – *Wolin S.S.* Hume and Conservatism // The American Political Science Review. 1954. Vol. 48. No. 4. P. 999–1016.

REFERENCES

Brett R.L. (2018) *Fancy & Imagination*. London: Routledge.

Burke E. (1757) *A Philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and Beautiful*. London: R. and J. Dodsley.

Burke E. (1759) *A Philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and Beautiful* (2nd ed.). London: R. and J. Dodsley.

Burke E. (1790) *Reflections on The Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London*. London: J. Dodsley.

Burke E. (1779) *A Philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and Beautiful*. Moscow: Iskustvo (Russian translation).

Burke E. (1991) *Reflections on The Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London* (E.E. Mal'tseva, Trans.). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 1991. No. 6, pp. 114–121 (Russian translation).

Burke E. (1992) *Reflections on The Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London* (S. Wexler). London: Overseas Public Interchange (Russian translation).

Burke E. (1993) *Reflections on The Revolution in France and on the Proceedings in Certain Societies in London* (E.I. Gel'fand). Moscow: Rudomino (Russian translation).

Byrne W.F. (2006) Burke's Higher Romanticism: Politics and the Sublime. *Humanitas*. Vol. 19, no. 1/2, pp. 14–34.

Coleridge S.T. (1817) *Biographia Literaria*. London: Rest Fenner.

Coleridge S.T. (1987) *Selected Works*. Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Eagleton T. (1990) *The Ideology of the Aesthetic*. Oxford: Blackwell Publishers.

Engell J. (1981) *The Creative Imagination. Enlightenment to Romanticism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Furniss T. (1993) *Edmund Burke's Aesthetic Ideology. Language, Gender, and Political Economy in Revolution*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Hume D. (1826) *The Philosophical Works of David Hume* (Vol. 3). Edinburgh, London: Adam Black and William Tait, Charles Tait.

Hume D. (1996a) Idea of a Perfect Commonwealth (E.S. Lagutin, Trans.). In: Hume D. *Works* (Vol. 2, pp. 675–688). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Hume D. (1996b) A Treatise of Human Nature (S.I. Tsereteli, Trans.). In: Hume D. *Works* (Vol. 1, pp. 53–656). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kirk R. (1960) *The Conservative Mind: From Burke to Eliot*. Chicago: H. Regnery Co.

Kirk R. (2007) *The Moral Imagination*. The Russell Kirk Center. Retrieved August 11, 2019, from <https://kirkcenter.org/imagination/the-moral-imagination/>

Kirk R. (2013) *Russell Kirk on the Moral Imagination*. Vimeo. Retrieved August 11, 2019, from <https://vimeo.com/70964676>

Quinton A. (1978) *The Politics of Imperfection*. London: Faber and Faber.

Scruton R. (2015) *Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left*. London: Bloomsbury.

Trilling L. (2008) *The Liberal Imagination*. New York: New York Review Books.

Whale J. (2000) *Imagination Under Pressure, 1789–1832*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin S.S. (1954) Hume and Conservatism. *The American Political Science Review*. Vol. 48, no. 4, pp. 999–1016.